

КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

КУЛЬТУРА И ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

V Международные Лихачевские
научные чтения, 19–20 мая 2005 года

*Проводятся в соответствии с Указом
Президента РФ В. В. ПУТИНА
«Об увековечении памяти
Дмитрия Сергеевича ЛИХАЧЕВА»
№ 587 от 23 мая 2001 г.*

*При поддержке компании
«Ксерокс Евразия»*

Санкт-Петербург
2005

ББК 72
К90

Составитель и ответственный редактор
Г. М. Бирженюк, заведующий кафедрой социально-культурных технологий
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
доктор культурологии, профессор

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП

Учредители и участники Чтений
выражают глубокую признательность компании «Ксерокс Евразия»
за поддержку при выпуске данных материалов

Культура и глобальные вызовы мирового развития:
К90 V Международные Лихачевские научные чтения, 19–20 мая
2005 г. — СПб.: Изд-во СПбГУП, 2005. — 248 с.
ISBN 5-7621-0356-0

В сборник материалов V Международных Лихачевских научных чтений вошли выступления известных ученых, политических деятелей, представителей органов государственного управления Российской Федерации и зарубежных стран. На пленарном заседании «Культура и глобальные вызовы мирового развития» и пяти круглых столах, посвященных процессам, происходящим в мировой культуре, проблемам образования и формирования массового сознания, обсуждались актуальные вопросы и различные аспекты развития современной науки и культуры.

Издание выпущено при поддержке компании «Ксерокс Евразия» и адресовано специалистам, работающим в разных областях гуманитарного знания, а также широкому кругу учащейся молодежи.

ББК 72

ISBN 5-7621-0356-0

© СПбГУП, 2005

Круглый стол

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ГЛОБАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Руководитель

О. Т. БОГОМОЛОВ, академик РАН, почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН, доктор экономических наук, профессор

Ученый секретарь

М. Б. АЛЕКСЕЕВА, заведующая кафедрой экономики СПбГУП, доктор экономических наук, профессор

Ответственный секретарь

В. К. ВОРОБЬЕВ, доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат исторических наук

Участники обсуждения:

С. А. БОГОЛЮБОВ, заведующий отделом аграрного и экологического законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заместитель председателя редколлегии «Журнала Российского права», доктор юридических наук, профессор;

Ф. А. БОГОМОЛОВ, профессор Нью-Йоркского университета, президент Международного комитета интеллектуального сотрудничества;

В. Н. БОЛЬШАКОВ, академик РАН, первый заместитель председателя Уральского отделения РАН, директор Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН, главный редактор журнала «Экология»;

В. И. БЕЛОУС, заведующий кафедрой современной отечественной истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор исторических наук, профессор;

А. П. МАРКОВ, профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, Заслуженный работник высшего образования РФ;

И. Н. ПАНАРИН, профессор Дипломатической академии МИД, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ, доктор политических наук;

Г. Ф. ФЕЙГИН, доцент кафедры управления СПбГУП, кандидат экономических наук;

В. В. ШЛЫКОВ, профессор Академии права и управления Министерства юстиции России, кандидат экономических наук;

В. Е. ЧУРОВ, заместитель председателя Комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками, депутат Государственной Думы РФ, профессор кафедры экономики СПбГУП

О. Т. БОГОМОЛОВ: — Процесс глобализации идет, но глобальных конфликтов, грозящих какими-то тяжелыми последствиями я не наблюдаю. Имеют место локальные конфликты и внутренние противоречия в самой глобализации, но квалифицировать их как глобальные конфликты, по-моему, было бы не совсем справедливо.

Что касается определения самой глобализации, то большое количество публикаций по данному вопросу предлагает нам самые разные трактовки. В моем представлении — и здесь я солидарен с рядом английских ученых — это объективный процесс углубляющихся и расширяющихся взаимосвязей и взаимовлияния стран и народов в различных

областях общественной жизни, прежде всего в экономике, в политике, культуре, науке, образовании, причем акцент мне хотелось бы сделать на слове «взаимосвязь».

Иногда вопрос ставится так: сегодня все говорят о глобализации, однако процесс интернационализации общественной жизни, производства, экономики, обмена отмечался марксистами еще в середине XIX века. Но, во-первых, марксистские термины в западной литературе, как правило, не приживаются, и, во-вторых, в конце XX и тем более в начале XXI века объективный процесс интернационализации приобрел новые качественные черты и количественную характеристику. Сегодня треть всей производимой продукции, и не только товаров и услуг, предназначается не для внутреннего потребления в странах, а для обмена. Но принципиален обмен даже не товарами, а информацией и правами собственности. Обороты акций и валюты на международных рынках и биржах в сотни раз превышают обороты самих товаров. Это совсем другая степень взаимосвязи и взаимозависимости государств, но не только таким образом проявляются новые качественные характеристики, которые точнее всего отражают понятие глобализации. Имеют место глобальные проблемы — экологические, медицинские, социальные, которые нельзя решить силами одной или двух стран, так как они требуют объединения усилий. Возникли новые институты, регулирующие взаимные отношения не только в экономике, но и в политике, культуре, во всех остальных областях. Речь не идет о каком-то надгосударственном правительстве, однако эти институты призваны гармонизировать интересы разных стран и налаживать между ними сотрудничество.

Процесс глобализации всеохватывающий, но наиболее интенсивные процессы взаимной зависимости, взаимовлияния, переплетения хозяйственной, экономической и прочей жизни наблюдаются в развитой части мира. И есть периферия, которая тоже втянута в эти процессы, но еще далеко не в такой степени, как страны «золотого миллиарда». Поскольку глобализация — это объективное явление, она предоставляет (или должна предоставлять) всем странам огромные преимущества благодаря и новой технике, и новым средствам коммуникаций, и процессу либерализации, который идет в мире. Многие страны, даже не имея фундаментальной науки, благодаря доступу к информации пользуются всеми преимуществами научного прогресса.

Однако нельзя не учитывать внутренних противоречий, которые свойственны процессу

глобализации. В частности, между устоявшимися представлениями о практике реализации национального суверенитета и организации общественной жизни на государственной основе, с одной стороны, и институтами, регулирующими интернационализацию, которые отнюдь не призваны заботиться обо всех гражданах планеты, — с другой. Или противоречие между национальным суверенитетом, который гарантирует стране сохранение каких-то ее наиболее существенных преимуществ, возможностей, интересов, и процессом подтасчивания этого суверенитета из-за транснационализации производства, банковского дела и т. д.

Таким образом, пока глобальные процессы не регулируются с учетом и на основе общих интересов, их преимущества достаются тем странам, которые являются главными игроками на международной арене. И поэтому глобализация сегодня имеет, по существу, либеральную американскую модель. Чтобы не быть голословным, поясню, какие плюсы получают Соединенные Штаты от участия в мировой экономике. США сегодня самый крупный должник, его общий долг перед всеми странами мира составляет около 3 трил. долларов. Из этой суммы 60 млрд долларов вращаются у нас, внутри страны, кроме этого, мы держим более 150 млрд долларов резервов в американской валюте. Другие страны тоже держат свои резервы в долларах, плюс вкладывают капитал в американскую экономику. Только ежегодный дефицит платежного баланса США сегодня превышает 500 млрд долларов, то есть американская экономика ежегодно потребляет товаров и услуг на 500 млрд больше, чем производит. Это возможно в условиях той системы международных отношений, в которой доллар является главной, ведущей валютой мира. Безусловно, это не всем нравится, и антиглобалистское движение набирает обороты. Объективный процесс отменить невозможно, тем не менее антиглобалисты выступают против тех форм и методов глобализации, в которых она сегодня протекает, прежде всего — против явной неравномерности распределения преимуществ глобализации.

И. Н. ПАНАРИН: — Я являюсь специалистом по информационным войнам и в своем выступлении остановлюсь на рассмотрении информационных аспектов глобализации.

Огромная сумма внешнего долга США говорит о том, что модель глобализации, которую Соединенные Штаты навязывают миру,

является, по сути, их средством самовыживания, соответственно, в ее поддержку созданы мощные информационные «кулаки», идет самая настоящая информационная экспансия. Проблема России заключается в том, что администрация президента Буша открыто провозгласила сферой жизненных интересов бывшее пространство СССР и Ближний Восток, о чем свидетельствуют события, которые происходят в последние годы на территории бывшего СССР. В частности, в Андигане события развивались по схеме нападения на Ингушетию 22 июня 2004 года, но действия узбекского руководства в отношении СМИ были очень правильными — они отключили внешние источники телевещания, прежде всего BBC, CNN и так далее, и тем самым конфликт был локализован буквально в течение суток. Мы помним трагедию в Беслане, откуда три иностранных телекомпании — CNN, BBC и «Sky News» — вели прямые репортажи. На Евразийском форуме была организована специальная секция, посвященная Беслану, где в основном шли дебаты о количестве погибших заложников. Таким образом, нам хотят не помочь вырваться из круга существующих проблем, а, наоборот, — обвинить власть и блокировать те правильные шаги, которые предпринимаются руководством. Какие требования нам предъявляют? Прекратить восстанавливать патриотизм в России, обеспечить свободу и независимость СМИ и т. д.

Сегодня американцы с помощью мощных информационных инструментов навязывают однополярную глобализацию. Так, в Интернете 62 % всех информационных ресурсов американские, то есть в основном идет обмен информацией и знаниями в интересах Соединенных Штатов Америки и в какой-то степени Британии. Россия, на мой взгляд, является главной жертвой этой экспансии, потому что, помимо финансового кредитования американской экономики, ликвидированы практически все просветительские и патриотические телепрограммы; на нашем телевидении не увидишь передач о таком замечательном явлении, как ваш Университет. Я хотел бы процитировать господина Д. Львова — с огромным интересом ознакомился с его лекцией, изданной у вас: «Теперь на нас свалилась третья беда, с моей точки зрения, еще более опустошительная: когда дураки указывают дорогу». Так вот я хотел бы обратить внимание, что эти дураки у нас во власти оказываются не случайно, таков инструмент сознательной целенаправленной деятельности наших geopolитических против-

ников, которые продвигают этих людей. Если бы талантливые, умные интеллектуалы-экономисты оказались во главе наших экономических структур, тогда мы действительно могли бы пользоваться всеми преимуществами глобализации, о которых уже говорилось.

С. А. БОГОЛЮБОВ: — Как соотносятся этика и экологическое законодательство? Что такое этика, думаю, нашей гуманитарной аудитории объяснять не надо, хотя дискуссии по поводу нравственности, моральных и этических ценностей не смолкают. Что касается законодательства, то сейчас принято большинство проблем решать с помощью закона, поэтому позволю себе напомнить, что законодательство — это правила поведения, обязательные для исполнения, принятые уполномоченным на это специальным органом, и за нарушение этих правил должна наступать юридическая ответственность. Как соотносятся этические, моральные, нравственные ценности и законодательство? Нравственность, мораль, этика у разных слоев общества разная, и по отношению к экологии у разных граждан этические ценности заметно различаются. Так, правоохранительные органы сталкиваются с большими трудностями при закрытии загрязняющих окружающую среду предприятий. Все против загрязнения, но когда работники предприятия узнают о возможной потере работы, то активно возражают против его остановки. Или, например, водители грузовиков, которые вывозят отходы, пытаются всякими правдами и неправдами увеличить количество поездок, поэтому сбрасывают мусор в ближайшую канаву, однако становятся очень активными и бдительными, когда посторонний человек возле их дачного участка устроит такую же мусорную кучу.

Законодательство, в отличие от этики, не может разделяться по слоям населения, оно обязательно для всех. Почему, казалось бы, аксиоматическое утверждение о том, что природные ресурсы являются основой жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории, подвергается сомнению? Некоторые субъекты Федерации, в частности приволжские республики, отразили в своих конституциях положение о том, что все природные ресурсы, находящиеся в пределах этих республик, являются их собственностью. Конституционный суд РФ недавно вполне определено высказался по этому поводу: имеются в виду народы, проживающие

на соответствующей территории, то есть в пределах Российской Федерации. Природные ресурсы не являются собственностью напрямую, но основой жизни и деятельности людей — однозначно. Другим моральным постулатом, занесенным в законодательство, является право каждого на благоприятную окружающую среду. Хотя этому закону уже более десяти лет, судебные иски граждан по поводу их проживания в неблагоприятной среде и, следовательно, нарушения законодательно установленных прав, очень немногочисленны.

Говоря о правах, мы, безусловно, должны говорить и об обязанностях — не только государства, но и граждан. И в российском законодательстве есть положение о том, что каждый должен охранять окружающую среду и природные богатства.

Что касается критики действий правительства, хочу сказать следующее. Интеллигенция, конечно, изначально призвана быть в оппозиции к власти, и нельзя в связи с этим не вспомнить мудрые слова, сказанные одним юристом 45 лет назад, о том, что наука перестает быть наукой тогда, когда она перестает говорить власти «нет». Но, говоря «нет», я думаю, и в экологии, и в рассмотрении глобальных проблем следует видеть альтернативы, которые нам предлагаются. Дальневидность в области сочетания этических, моральных основ и законодательства должна быть присуща нам всем, чтобы наше общество двигалось вперед и развивалось в благоприятных экологических условиях.

В. В. ШЛЫКОВ: — Согласен с вами, что этика для различных специальных групп различна, а закон един для всех. Тем не менее я полагаю, что и законодателям, опираясь на такое понятие, как «беловоротничковая» преступность, следует отразить это в законах. Речь идет о юридической ответственности корпораций за экологические преступления, они наносят намного больше вреда, чем отдельные граждане. Каково ваше мнение по этому поводу?

С. А. БОГОЛЮБОВ: — Законодательство для всех одинаково, независимо от цвета воротничка. Но в дополнение к вышесказанному приведу еще один пример. Недавно был дополнен Кодекс об административных правонарушениях, и теперь судья единоличным решением может закрыть предприятие. До этого существовала довольно дли-

тельная процедура: Министерство природных ресурсов на основании собранных материалов должно было через прокуратуру обращаться в суд.

Разумеется, это наши внутренние проблемы, но они — ключ к решению глобальных.

О. Т. БОГОМОЛОВ: — Возможно — но не всегда. Одни страны подписали Киотский протокол, другие не подписали, а Киотский протокол — это попытка решить проблему потепления климата на нашей планете коллективными усилиями. Американцы, например, утверждают, что у них все в порядке, поэтому им подписывать Киотский протокол не обязательно.

С. А. БОГОЛЮБОВ: — Киотский протокол позволяет России — это как раз имеет прямое отношение к теме сочетания этики и международных соглашений, законодательства — излишки нашего незагрязненного атмосферного воздуха выгодно использовать. Такова информация к размышлению — как соотносятся глобальная проблема потепления климата, загрязнения атмосферы углекислым газом и возможность каждой страны, сэкономив на своих «законных» загрязнениях, продать свою квоту соседним странам.

В. Н. БОЛЬШАКОВ: — Первый прогноз, касавшийся развития человечества, был сделан в XVIII веке. Тогда основным видом транспорта были лошади и мулы, и наибольшее опасение вызывало — в связи с потребностями в них человечества — именно увеличение количества этих животных. Предполагалось, что, во-первых, к 1900 году они съедят всю растительность, а во-вторых, навоз покроет планету слоем толщиной в полтора метра. Этот прогноз мало чем отличается от современных, связанных с проблемами загрязнения.

Два года назад по инициативе Президента РФ В. В. Путина была принята так называемая экологическая доктрина Российской Федерации. Изначально было предложено 22 варианта — Академией наук, различного рода общественными организациями, партиями, причем некоторые из них полностью противоречили друг другу. Единственное, в чем все проявляли единодушие, — надо бороться за охрану окружающей среды и за человека. В конце концов был разработан приемлемый

вариант, который согласуется и с некоторыми общими экологическими вопросами.

Что касается Киотского протокола, то группа ученых во главе с Ю. А. Израэлем, который всю свою научную жизнь занимается проблемами загрязнения природных сред, не видят у России особых преимуществ. Малое количество вредных выбросов в атмосферу связано с тем, что промышленность находится в упадке и практически не учитывается загазованность от автотранспорта. Как только все силы бросят на удвоение ВВП, не исключено, что не нам будут платить, а мы будем вынуждены платить. Сложится ли ситуация подобным образом — сказать трудно, но не подлежит сомнению, что глобальные, национальные и экономические проблемы тесно взаимосвязаны и останутся в ближайшее время одними из самых острых и сложных.

В первой половине 1990-х годов все занимались экологией — в вузах открывались кафедры, набирались студенты по соответствующим направлениям и специальностям, однако бум, к сожалению, прошел, так как оказалось, что решение любой, даже незначительной, экологической проблемы требует громадных затрат.

О. Т. БОГОМОЛОВ: — Мы говорим о глобализации, взаимовлиянии, взаимопроникновении, взаимопереплетении общественной жизни разных стран — то есть об интеграционном процессе. В то же время в мире растет число самостоятельных государств, на которые распались прежде единые Советский Союз, Югославия, Чехословакия. Почему это происходит? Распад государств вызван неким заблуждением, возобладанием чувств над здравым смыслом или все-таки у этого процесса дезинтеграции есть какие-то объективные основы и корни? Разумеется, возможны объяснения чисто идеологические: имеется общий язык, принадлежность к какому-то этносу — почему бы ни обрести государственную самостоятельность? В Африке целый ряд самостоятельных государств нежизнеспособны, потому что без поддержки извне не могут обеспечить своим гражданам нормальное развитие. Думаю, и на постсоветском пространстве тоже возникли государства, не вполне жизнеспособные с точки зрения нормального развития и производительной силы, и самой нации и народа.

В. И. БЕЛОУС: — Пока существует этнос, никакой глобализации не будет. Это одна

из легенд, которую придумали господа из Соединенных Штатов. Сколько народов проживают на их территории?

И. Н. ПАНАРИН: — Если в России, по данным переписи, проживает 120 этнических групп и народностей, то в США — 500, и они это тщательно скрывают, потому что на первом месте среди этнических групп немцы — 60 млн, ангlosаксов всего лишь 22 млн. Никакого единого этноса — американского народа — не существует, о чем-то подобном можно говорить, пока имеется относительная социальная стабильность.

Если же говорить о нежизнеспособных государствах, то они создаются сознательно американцами с целью навязать глобализацию по американской модели, иначе Соединенные Штаты не смогут обеспечить диктат доллара, и в итоге — свое существование как государства.

В. Е. ЧУРОВ: — У меня три замечания вопросительно-утвердительного характера. Первое — мы, наверное, должны разделять все глобальные проблемы на два вида. Одни человечество может попытаться решить или, по крайней мере, скорректировать, другие от него не зависят. Речь идет о воздействии внутри и вне Солнечной системы, о процессах, происходящих в земном ядре. Пока мы не обладаем инструментами вмешательства в них, а на самом деле они могут все наши споры достаточно быстро завершить.

Второе замечание. Как практикующий политик, могу утверждать: дробление и появление национальных государств на карте мира за последние десятилетия отлично от процесса появления национальных государств в прежние века. На каждом континенте есть доминирующая страна, в Южной Америке это Бразилия, в Северной Америке — Соединенные Штаты, а точнее НАФТА — североамериканская зона свободной торговли (North American Free Trade Agreement) — Канада, США, Мексика, фактически это уже единое государственное образование. В Европе это Евросоюз. Проблема же Африки заключается в том, что ни мы, ни американцы пока не можем определить, какая страна доминирует на этом континенте — Нигерия или ЮАР.

И третье замечание: последние десятилетия показали, что теория Г. Киссинджера об управляемых конфликтах полностью несостоятельна, то есть ни в одном реальном

конфликте, который американцы пытались устроить по этой схеме, они не получили ни политических, ни экономических, ни прочих дивидендов. Например, из распада Югославии основную выгоду извлек Евросоюз.

О. Т. БОГОМОЛОВ: — Меня несколько смущает постановка вопроса некоторыми участниками круглого стола. Если мы отрицаем объективность глобализации как всеохватывающего процесса, то, собственно, нет и предмета для дискуссии. Но я, как экономист, могу сказать, что отрицать экономическое взаимопроникновение и взаимовлияние — значит не замечать очевидные факты и цифры. Уже то обстоятельство, что мы держим доллары в качестве резерва, — не что иное, как проявление глобализации. То же самое касается и культуры, где особенно интенсивно идет процесс взаимопроникновения, причем он начался много раньше. Европейская культура так или иначе влияла на развитие российской, и Россия тоже оказывала воздействие на европейскую культуру — отрицать это невозможно. Наши выдающиеся музыканты и певцы гастролируют по всему миру — разве это не процесс глобального переплетения культур и связей? Вопрос в другом. Никто не хочет потерять национальную самобытность, и должно быть единство многообразия.

А. П. МАРКОВ: — Глобализация — процесс не новый. На мой взгляд, христианство — глобализация в чистом виде, причем это самый успешный проект: идеология изгоев спустя два-три столетия была распространена на огромных территориях, и десятки, а потом сотни миллионов людей приняли эту систему ценностей. Соответственно, второй аналогичный проект глобализации — ислам. Поэтому сегодня ничего нового, кроме терминов и спекуляций вокруг этого явления, нет. Действительно, идет экспансия прежде всего духовных, культурных ценностей, потому что все экономические, интеграционные, информационные процессы понятны, они видимы. Другой вопрос: каких? Посмотрите, что происходило за шесть-семь веков до появления христианства. В недрах мощной, сильной языческой культуры стала формировать энержия маятника, который качнулся в противоположную сторону, — и от язычества ничего не осталось. Аналогичный процесс идет и сегодня. Я хотел бы обозначить противоположный полюс, который, на мой взгляд,

питается энергией глобализации. Предположить, что это национализм? Если говорить о крайнем векторе этого противоположного полюса, уместны другие слова и символы. Для меня таким визуально-образным символом стала поездка нашего президента на юг Челябинской области в местечко Аркаим. Это символ, который «раскручивается» новыми правыми: отрицание христианства, его упоминание чуме, выхолостившей духовную и физическую энергию народа. Итак, противоположную тенденцию, которую я имею в виду, можно назвать фашистской идеологией, или, если смягчить акцент, почвенным движением. Такова негативная тенденция, и миссия гуманитарной культуры, гуманитарного образования, наверное, состоит не в том, чтобы минимизировать возможные беды. Глобализация — это, безусловно, источник силы, которую можно обуздить, вероятно, только мудростью, но у меня нет веры в то, что удастся выработать новую или скорректировать имеющуюся систему ценностей.

Какой человеческий тип продвигает сегодняшняя система глобализации? Если убрать термин «глобализация» и рассматривать процесс в категориях маятникового движения, то примерно две с половиной тысячи лет назад маятник качнулся от полюса языческой, гедонистической культуры с сильной индивидуальностью и культом чувственности, силы, здоровья, красоты в противоположную сторону. На мой взгляд, он уже дошел до своей крайней точки и теперь движется обратно, то есть в основе идеологии современного глобализма лежит человеческий тип, который был в центре языческой культуры. Этого человека мы видим в любом рекламном ролике, любом художественном фильме. Самое интересное, что он концептуально обоснован в идеологии постмодернизма, которая абсолютно поддерживает идеологию глобализации. Основным термином постмодернистской философии является деконструкция, разборка — страны, личности, истины, объективности. Вторым же по значимости — реабилитация как бы исторически неоправданно униженных категорий: зла, безобразия. Получается, что такой антропологический тип, для которого нет истины, объективности, нравственности, — симпатичен, более того, ему нечего противопоставить, потому что ресурсы для идентичности в рамках мировых религий, особенно христианства, на мой взгляд, очень сильно истощены, почти исчерпаны. Вспомним Нагорную проповедь Христа, ее этический идеал, и честно себя спросим: а хотел бы я, чтобы моего ребенка ударили по одной щеке, а он

потом подставил другую, чтобы он был страдающим, нищим? Здесь налицо резонанс и идеологии глобализма, и очень понятных человеческих желаний жить в счастье, радости, богатстве. Однако мы знаем, к чему приходят все языческие культуры: от пантеизма, от всеобщия к человекобожию, а потом на вершине, там, где был человек, появляется другое существо — антихрист или сатана. Итог печальный: если нет того, что определяет смысл человеческой жизни, то человек разрушается вне этой системы координат. На мой взгляд, основной причиной возрождения мощной стихии идеологии, связанной с почвой и кровью, является системный кризис идентичности на социальном, культурном и личностном плане, и ресурсов для выхода из этого кризиса я не вижу. За сменой культурных эпох последует конец истории.

Относительно агентов глобализации: по утверждению самих американцев, то, что сделала реклама с рядовым членом их общества, — самая настоящая катастрофа. Поэтому не следует обвинять народ Соединенных Штатов, они сами являются жертвой. Много-миллиардные суммы вкладываются в рекламную кампанию, которая сегодня не продвигает предметы потребления, но творит нового человека, новый тип личности.

В. В. ШЛЫКОВ: — Визит Президента РФ В. В. Путина в Аркаим можно считать ключевым событием, связанным с будущим выходом России из кризиса. Аркаим — точка гармонизации евразийского пространства, никакого отношения к фашизму она не имеет, оттуда древнеарабы и протославяне двинулись в Индию и Иран. Обратимся к событиям в Андижане, куда был направлен удар антirоссийских сил. Андижан — это родина Бабура, внука Тамерлана, покорителя Индии и создателя империи Великих Моголов, в 30 км от Андижана находится город Кува — это столица древнего Ферганского царства с сорокатысячным населением, на его территории найдены самые древние памятники буддизма. Таким образом, буддизм в ядре Ферганской долины, и этнически японцы и корейцы считают себя выходцами оттуда. И именно по этому ядру был нанесен удар после визита Путина в Аркаим.

Православие пришло на Русь гораздо позже, до XVII века существовало двоеверие, совокупность древнеарабской и христианской идеи. К тому же на евразийском пространстве всегда существовал славяно-турецкий союз.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Одно из определений глобализации, данное Жегожем Колодко, звучит так: это исторический процесс либерализации, интеграции рынков товаров, капиталов и труда, которые прежде функционировали в определенной степени изолированно, в единый мировой рынок. Что качественно нового появилось, по сравнению с интеграцией и интернационализацией? Сегодня есть лишь тенденция, происходит становление единого хозяйственного миропорядка. То есть экономические контакты, международное разделение труда — это одно, и совсем другое, когда мировая хозяйственная система становится гомогенной, глобальной. Мне кажется, что для этой качественно новой стадии имеются три предпосылки, которых не было раньше. Во-первых, предпосылка технологическая. В разных точках земного шара очень разные условия для хозяйственной деятельности, поэтому для того чтобы хозяйственное устройство было гомогенным, развитие технологий должно находиться на очень высоком уровне — что, собственно, есть в наличии.

Вторая предпосылка — экономическая. На ранних этапах человеческой цивилизации достаточно было развиваться в рамках региона, и по сути история древнего мира — это история относительно изолированных регионов: Египта, Греции, Рима, Индии, Китая. То есть до эпохи великих географических открытий человечество плохо представляло, как выглядит его среда обитания. Сегодня уровень экономического развития таков, что все ресурсы, которые есть на земном шаре, должны вовлекаться в производство, а это, безусловно, возможно только в условиях глобального хозяйственного миропорядка. Кроме того, существует и глобализация потребления, то есть создается такой механизм, который обеспечивает возможность движения товаров из любой точки земного шара туда, где они могут потребляться. Мы можем сколько угодно говорить о своеобразии национальных культур и традиций, но тем не менее и у нас в России ездят на «Мерседесах» и отдыхают на дорогих курортах, то есть люди хотят потреблять опять-таки в разных точках земного шара. И, соответственно, есть объективный интерес к тому, чтобы товары и услуги свободно перемещались. Поэтому я думаю, что глобализация это не только реализация интересов одной из стран, допустим Соединенных Штатов, но объективная закономерность.

Третья предпосылка — культурная, и я хотел бы отметить следующее. Мы живем в

условиях множества этносов, это объективная реальность. Разные этносы и культуры очень трудно унифицировать, однако сегодня они настолько тесно переплетаются, что культурная глобализация возможна не в ущерб сохранению культурных традиций.

Я не согласен с тем, что глобализацию можно свести к реализации интересов одной страны, потому что в нынешних условиях страны сильно различаются и по уровню экономического развития, и по культурным традициям. Поэтому, понимая глобализацию как становление единого миропорядка, нельзя не признать, что мы еще очень далеки от него.

Обращаясь к вопросу, какие перспективы открывает глобализация для той или иной страны, нужно избегать эмоциональных оценок вроде: «зачем России нужна глобализация», «американцы хотят глобализацию». Необходима продуманная методология исследования проблем, оценки перспективы той или иной страны в процессе глобализации, и в рамках такой методологии важны два аспекта — количественный и качественный. Количественные параметры — это внешняя торговля, прямые иностранные инвестиции и операции на международных финансовых рынках. Глобализация проявляется в развитии внешней торговли, в становлении относительно гомогенного торгового миропорядка — здесь надо вспомнить о роли ВТО. Преимущества имеет та страна, которая является конкурентоспособной настолько, что ее производители получают дополнительные рынки сбыта и не боятся иностранных конкурентов. Россия, несомненно, испытывает глобализационный дефицит, так как мы в силу отсутствия конкурентоспособности, прежде всего в обрабатывающей промышленности, имеем одностороннюю структуру внешней торговли, то есть экспортим сырье и импортим готовую продукцию, отсюда — сильная зависимость экономической ситуации в России от ситуации на мировых рынках сырья. Сегодня она для нас благоприятна, и мы имеем экономический рост, но насколько он устойчив, станет ясно только тогда, когда цены на нефть упадут.

Что касается прямых иностранных инвестиций, то можно говорить о теоретически обоснованных преимуществах их привлечения. Это возможность использовать внутри страны международные инновации, менеджерский опыт, создать дополнительную конкуренцию и получить преимущество от конкуренции. Но какая страна получает от этого выгоду? Экономика которой привлекательна

для прямых иностранных инвестиций. К сожалению, Россия не принадлежит к их числу. Более привлекательны страны бывшего соцлагеря, Прибалтика, не говоря о Китае, который по общему объему прямых иностранных инвестиций в прошлом году обогнал Соединенные Штаты.

Какая страна выигрывает непосредственно от глобализации финансовых рынков? У нее должен быть сильный финансовый сектор, способный выдержать обостряющуюся конкуренцию и одновременно привлекательный для вложения иностранного капитала. Это опять-таки не Россия, так что можно говорить о том, что в нашей стране существуют так называемые глобализационные дефициты, то есть наша экономика не может получить каких-то быстрых выгод от процесса глобализации. Но ни в коем случае я бы не стал из этого делать вывод, что нам следует дистанцироваться от глобализации и мирового рынка, так как это окончательно сделает нас неконкурентоспособными.

Таким образом, неучастие в процессе глобализации при всех его сложностях для любой страны, в том числе и для России, стратегически негативно. Поэтому, отмечая глобализационные дефициты России, нельзя не признать целесообразность продолжения принципиально взятого курса на либерализацию внешнеэкономической политики России. Однако между внутренним экономическим развитием страны и ее перспективами в процессе глобализации есть органическая взаимосвязь. К сожалению, нашу внутреннюю стратегию можно обозначить как «латание дыр».

О. Т. БОГОМОЛОВ: — В ходе нашей дискуссии мы еще не коснулись усиления миграционных процессов, что проявляется в национальном составе населения не только европейских стран, но и США. Можно говорить, что духовные ценности у каждой группы населения свои, и даже внутри страны своя этика, но, с другой стороны, есть нравственные императивы, которые стали всеобщими — например то, что спорные вопросы, конфликты следует решать мирным путем, не прибегая к оружию. Я вижу в перспективе сочетание национального суверенитета и интернационализации всей общественной жизни, передачу ряда функций международным организациям.

Вторая спорная тема касается конфликта между сторонниками либерализма не только в политике, но и в экономике, и теми, кто

считает, что должно быть сочетание либерализма и протекционизма, тем более что глашатаи либерализма — американская администрация и многие американские ученые-идеологи предлагают: «Давайте уберем все барьеры, в том числе и на пути движения не только капиталов, но и людей», но сами сохраняют очень серьезные барьеры на чувствительных для их экономики направлениях. Что делать России в этом случае? Конечно, сегодня нам выгоднее покупать «Эйрбасы» и «Боинги» (они экономичнее) как, собственно, и поступают наши авиационные компании. А собственное авиастроение, которое создавало лучшие образцы военной авиационной техники, гибнет. Я выступал с лекцией о глобализации в Рио-де-Жанейро, и мне аплодировали, когда речь зашла о национальном суверенитете и о том, что государство должно защищать интересы своей нации перед угрозами и вызовами глобализации. Китайцы десять лет договаривались, прежде чем подписали документ о вступлении в ВТО; возможно, нам надо пятнадцать лет, чтобы подготовиться к этому.

Разумеется, мы не можем избегать информационного обмена, не участвовать в международном обмене товарами. Но если только импортировать, например, автомобили, мы лишим своих квалифицированных рабочих и инженеров рабочих мест. Может быть, нам надо строить заводы в кооперации с крупнейшими мировыми автомобильными компаниями и создавать свои транснациональные корпорации в тех отраслях, где мы почувствуем себя сильнее. Мне кажется, должна быть выработана взвешенная позиция, чтобы не впасть в крайность — не «удариться» в национализм, отгородив себя от общемирового процесса глобализации.

Действительно, вопрос очень сложный: где грань? Как экономист, я могу сказать следующее: цель любой экономической политики — рост общественного благосостояния. Когда мир был расколот на две хозяйствственные системы, плановую и рыночную, капиталистическую и социалистическую, идеологи находили аргументы в пользу обеих систем. Но к концу 1980-х годов стало ясно, что уровень удовлетворения общественных потребностей на Западе несопоставимо выше, чем в странах бывшего социалистического лагеря. Я убежден, что в этом главная предпосылка тех трансформационных процессов, которые позже стали происходить.

Если мы лишаем своих специалистов рабочих мест, соответственно, падает уровень их благосостояния — именно здесь оказывается

та грань, которую мы не можем преступить, и приходится отказываться от либерализма и заниматься больше протекционизмом. Если, предположим, эти люди могут работать в иностранных компаниях или их филиалах и таким образом увеличивать свое благосостояние, то, может быть, целесообразнее либеральная позиция. В конце концов, какая разница, где сделан тот или иной самолет, если мне в нем комфортно? Патриотизм незачем доводить до абсурда — «раз свое, значит хорошее, не надо мне «Боинга»».

Коснусь еще двух аспектов. Первый: термин «глобализация» тесно соседствует с другим — «регионализацией», и здесь имеются разные точки зрения: говорят, что нет никакой глобализации, а есть интеграция в регионах: Европейский союз, НАТО, АСЕАН и так далее — разные интеграционные образования в разных точках земного шара, которые развиваются изолированно друг от друга. Другая точка зрения состоит в том, что регионализация — это элемент глобализации, способ интегрироваться в единое глобальное сообщество, сначала развивая интеграцию на уровне регионов, потому что так, естественно, проще.

Второй аспект: какова связь глобализации с трансформационными процессами — это решающая предпосылка глобализации, или ускоряющий фактор, или одна из форм ее проявления, ведь глобализация должна иметь какую-то экономическую основу.

Мы должны подойти к глобализации как ученые, специалисты и, не ограничиваясь отдельными примерами, постараться с помощью количественных показателей и обобщений выяснить, что происходит в мире. Действительно, диктаторских режимов стало значительно меньше, а демократических или псевдodemократических, которые имеют тенденцию к дальнейшему совершенствованию, — больше.

Выводы можно сделать следующие. Главное, чтобы процесс глобализации приобретал формы и в нем действовали механизмы, которые не были бы односторонне выгодными для отдельных участников, а позволяли решать вопросы на более демократических началах. Я думаю, что тезис демократизации международных отношений, в том числе и экономических, сегодня является объективным и справедливым, хотя он и не реализуется, потому что пока сила решает многие проблемы, а отнюдь не закон и не учет интересов всех участников того или иного международного процесса. Сделать мировой порядок более справедливым — эта задача стояла в повестке дня ООН уже в 1970-е годы, была даже

принята резолюция о новом международном экономическом порядке, но потом о ней забыли и подняли флаг либерализации. На практике это оказывается выгодным только для сильных государств и не дает возможности создать собственную промышленность и укрепить ее корни в государствах, которые пытаются наверстать упущенное и встать на путь более быстрого развития. Тем не менее некоторым это удается — Китаю, Индии, Бразилии.

Наиболее сложный и противоречивый вопрос — как глобализация проявляет себя в духовной сфере. Сохранение национальной

самобытности, национальных корней очень важно, но вместе с тем нельзя упускать возможность освоить достижения других стран и сделать их частью своей культуры.

Итак, под термином «глобализация» скрывается характеристика нового качественного состояния в общении между людьми, нациями, народами. Новое качество связано с огромными достижениями технического прогресса, информационных технологий, ликвидацией барьеров на пути перемещения людей. Воспользоваться этими преимуществами, не нанося себе ущерб, нужно, и не следует приывать отгородиться от них.